

Нет автора

**Памятные дни. Из воспоминаний
Гвардейских стрелков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н57

Н57 **Нет автора**
Памятные дни. Из воспоминаний Гвардейских стрелков / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 144 с.
ISBN 978-5-458-77954-8

ISBN 978-5-458-77954-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

31-го іюля 1917 г., на канунѣ отъѣзда изъ Царскаго Села въ Тобольскъ, Государь поблагодарилъ л. гв. 2 стр. Царскосельскаго полка капитана Матвѣева за службу и передалъ ему свою фотографическую карточку съ надписью „Николай, 1917 г.“ со словами: „Я думаю, что вы не откажетесь принять на память мою фотографію. Карточка эта случайная, которая оказалась у меня подъ рукой. Я нарочно не написалъ числа, чтобы вамъ, въ случаѣ чего, не было лишнихъ непріятностей“. Затѣмъ Государь обнялъ его и поцѣловалъ

См. „Памятные Дни“, изд. 1932 г., стр. 15.

Слѣва направо: Шефъ л. гв. 2-го стрѣлковаго баталіона Великій Князь Дмитрій Павловичъ, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и Великій Князь Михаилъ Александровичъ—на фонѣ Екатерининскаго дворца въ Царскомъ Селѣ.
1906—7 г.г.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

во 2-мъ Гвардейскомъ стрѣлковомъ запасномъ баталіонѣ.

Изъ личнаго дневника полковника л. гв. 2-го стрѣлковаго Царско-сельскаго полка Н. А. Артабалева.

«А если надъ Русью бѣда и стрясась —
«Потомки бѣду перемогутъ.
«Бываетъ, — промолвилъ Свѣтъ-Солнышко князь, —
«Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
«Купаться жъ въ ней свиньи лишь могутъ!»

графъ А. Толстой.

25-го февраля 1917 года.

Сегодня 26-е, но то, что я записываю, было вчера, 25-го февраля. Вчера я не думалъ еще братья за перо, но сегодня берусь. Предчувствіе заставляетъ меня это дѣлать.

Петроградъ. Невскій у «Доминика». Сѣрое небо, сырой воздухъ, грязно заснѣженные мостовыя и нечищенные тротуары. Магазины открыты. Трамваи иногда собираются длиннымъ эшелонномъ вагоновъ и останавливаются. Ждутъ полчаса, можетъ быть больше, а потомъ двигаются медленно дальше.

Въ городѣ безпорядки. Начались на окраинахъ, въ рабочихъ кварталахъ, и захватываютъ центръ. Среди невосковой публики уже замѣтно преобладаніе рабочихъ, работницъ, студентовъ и полупочтенныхъ статскихъ, озабоченныхъ и торопящихся. Много прапорщиковъ военнаго времени. Конные патрули казаковъ и усиленные наряды городовыхъ съ гвардейца-

ми запасныхъ баталіоновъ. Отдѣльные конные отдѣленія и взводы проходятъ рысью по Невскому, иногда переходятъ въ шагъ, сворачиваютъ въ одну изъ боковыхъ улицъ, спѣшиваются или, не слѣзая съ коней, останавливаются на углу.

Отъ Знаменской площади стала надвигаться толпа. Кричали: «Хлѣба! Хлѣба!» Казачій взводъ рысью пошелъ ей навстрѣчу. Винтовки за плечами, шашки въ ножнахъ. Шли лѣниво, нехотя.

Быстро пронеслась въ сторону Адмиралтейства карета одного изъ посланниковъ. Другая остановилась на углу, и изъ нея вышелъ японскій посланникъ съ японскимъ чиновникомъ. Они простояли нѣкоторое время переговариваясь и внимательно слѣдили за улицей... Уѣхали.

Подходила толпа съ крикомъ «хлѣба!» Прошла торопливо публика. Нѣкоторые свернули съ Невского, другіе забѣжали къ «Доминику». Подошла толпа челоѣкъ въ сто. Казаки ее взяли въ кольцо. То же равнодушіе на лицахъ казаковъ; шашки въ ножнахъ, винтовки за плечами, нагайки не въ рукахъ, а на шашкахъ. Люди легко просачиваются сквозь ихъ ряды и въ сомкнувшемся кольцѣ оказываюсь я одинъ.

Казачій офицеръ подѣхалъ ко мнѣ. Поздоровались. — «Взяли бы ихъ въ нагайки», сказалъ ему я. — «Отказываются. Вчера пошли бы, а сегодня уже нѣтъ». — «Отчего?» — «Ночь около Государственной Думы простояли. Изъ нея кто-то выходилъ и говорилъ съ казаками. Сегодня утромъ на Знаменской скомандовалъ: «шашки вонъ», а они мнѣ:—«брось, ваше благородіе! Не замай. Нѣхай ихъ себѣ». — «Плохо». — «Э-эхъ!» — и казачій офицеръ, безнадежно махнувъ рукой, отѣхалъ. Казаки, хитро улыбаясь, тронулись за своимъ офицеромъ.

По Невскому то и дѣло проходили различной величины группы рабочихъ, кричавшихъ «хлѣба!» Пройдя по Невскому, эти толпы сворачивали въ боковыя улицы, а на ихъ мѣсто изъ этихъ улицъ выходили другія, сначала пачками, а потомъ собирались въ толпу и требовали хлѣба. Шли эти группы спокойно и никого не задѣвали. Была видна организованность въ этихъ смѣнахъ пачекъ, и тѣ изъ нихъ, которыя заходили въ боковыя улицы, возвращались черезъ нѣкоторое время на Невскій уже возбужденными.

Прошелъ на Казанскую улицу. Изъ воротъ нѣкоторыхъ домовъ выходили рабочіе и работницы, вытирая руками свои рты. Остановился и сталъ наблюдать за одной подворотней. Очень скоро, по виду ломовой извозчикъ подкатилъ къ воротамъ ручныя санки съ чѣмъ-то, покрытымъ

рогожей. Изъ воротъ тотчасъ же вышли статскій и обтрепанный студентъ, судя по фуражкѣ. Они быстро сбросили рогожу и стали снимать съ саней водочныя четверти, унося ихъ въ подворотню. Послѣ разгрузки санокъ, ломовой тропливо укатывалъ ихъ, очевидно, за новыми четвертями.

На Садовой, по обѣ стороны Невскаго, то же самое. Здѣсь меня поразило то, что изъ группъ такихъ личностей до меня донеслись обрывки англійской рѣчи. Это было у фабрики Крафта. То же самое на Екатерининской и особенно на Литейномъ и Владимірскомъ. На улицахъ же, выходящихъ на Знаменскую площадь, я нашелъ въ подворотняхъ цѣлыя трактиры.

Мнѣ стало ясно, зачѣмъ эти группы рабочихъ заходили съ Невскаго въ улицы и почему ихъ голоса становились крикливѣе и рѣзче и нахальнѣе кричали — «хлѣба»! На Старомъ Невскомъ у однихъ воротъ я видѣлъ полупьяный казачій патруль.

Прошелъ къ «Сѣверной гостиницѣ». Передо мной высилась грузная конная фигура Императора Александра III. Глядя на нее, въ моей головѣ пронеслась мысль: «Вотъ Онъ, гранитный по волѣ и любви къ Россіи, Царь Самодержецъ, точно уѣзжаетъ отъ насъ. Въ Сибирь держитъ путь».

Кучки людей, наполнявшія площадь, отвлекли меня отъ думы. — «Уходите, ваше высокоблагородіе. Долго ли до грѣха съ ними». — Обернулся, услышавъ эту фразу, и увидѣлъ стоявшаго сзади меня старика въ швейцарской ливрѣе. — «Ну, не тронуть», отвѣчалъ я. — «Еще и какъ тронуть. Видите споены всѣ». — «Чего хотятъ они?» — «Чего? Что хлѣба маловато въ городѣ — это вѣрно, да все же всѣмъ хватаетъ. А чего хотятъ? Революціи хотятъ. Въ пятомъ году не вышло, такъ нынче пытаются». — «Усмирятъ». — «Кто его знаетъ! Вотъ сынъ изъ Волынскаго полка забѣгалъ, такъ рассказываетъ плохо. Усмирять не пойдутъ. Выйти можетъ и выйдутъ, да только стрѣлять не будутъ». — «Не одни Волынцы; есть и другіе». — «Есть-то есть, да вотъ въ Павловскомъ на Марсовомъ полѣ уже неладно. Въ Измайловскомъ и Гренадерскомъ тоже сговариваются. Преображенцы тоже. Да что и говорить. Развѣ это Гвардія! Шваль одна! Стыдно даже. Въ наше время чего-либо такого не бывало». — «А ты самъ гдѣ служилъ?» — «Въ Конной Гвардіи». — «Войска не пойдутъ, военныя училища пошлютъ. Они усмирятъ». — «Ну коли до этого дойдетъ, то это ужъ скверно. Видимое ли дѣло, чтобы барскія дѣти хама шли усмирять. А вы уходите-ка лучше; не дразните». Съ этими словами поклонившись онъ отошелъ отъ меня.

Изъ Сѣверной гостиницы вышли двое статскихъ. Англійская рѣчь опять. Одинъ одѣтъ хорошо, другой — потрепано. Странно. Прошли на Знаменскую улицу.

Пошелъ къ «Des Gourmets». Открыть и полонъ покупателей. Видно было, что большинство зашло къ нему только для того, чтобы пропустить проходящую толпу рабочихъ. Довольно плотная толпа шла по обѣимъ тротуарамъ Невскаго, крича «хлѣба»!, а по серединѣ проспекта спокойно шелъ конный взводъ казаковъ. Робкіе обыватели нервно покупали конфеты и заказывали сладкіе пироги. Нервно отвѣчали и работали барышни.

Ко мнѣ подошла молоденькая барышня въ скунксовой шубкѣ и нервно проговорила: — «Я здѣсь, недалеко... На Жуковской... Шла сюда, было сравнительно тихо, а теперь толпа, солдаты... Боюсь одна». — «Я васъ провожу». — «Ахъ, я вамъ буду такъ благодарна!» Толпа миновала и мы вышли. По Литейному шли группами рабочіе, спѣшившіе на Невскій. Насъ не трогали и даже вѣжливо уступали дорогу. Отъ проходившихъ мимо рабочихъ до насъ доносились отрывочныя фразы: «солдаты не стрѣляютъ»... «никакихъ буйствъ, полный порядокъ»... «Дума съ нами»... — «Вотъ и папа говоритъ то же», проговорила она, поймавъ послѣднюю мимолетную фразу. — «Онъ говоритъ, что это уже не пятый годъ, а революція. Въ ней участвуютъ всѣ общественные круги съ Государственной Думой во главѣ. Войска тоже, будто, на сторонѣ Думы». — «Дума чего же хочетъ?» — «Папа говоритъ, что отвѣтственнаго министерства, безъ котораго гибель Россіи неизбежна и мы не побѣдимъ нѣмцевъ. А Государь, будто, упрямится и не даетъ его». — «Но для этого есть другой способъ, а не этотъ выгонъ рабочихъ на улицу и спаиваніе ихъ». — «Папа тоже говоритъ, что если Государственная Дума не возьметъ это движеніе въ свои руки, то тогда наступитъ анархія, такъ какъ этого волненія уже не прекратишь войсками, какъ было въ 905-мъ году». — «Почему же?» — «Войска ненадежны. Они распропагандированы и кромѣ того это не тѣ гвардейцы, которые были раньше. Хотя я ничего не знаю. Слышала только то, что папа говорилъ». — «А вашъ отецъ служить?» — «Да, раньше въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а послѣ смерти Столыпина перешелъ въ Удѣлы». Потомъ, немного помолчавъ, прибавила: — «Говорятъ, насъ предадутъ при Дворѣ. Тамъ есть связь съ нѣмцами. Винятъ даже Императрицу, но я этому не вѣрю, хотя не люблю Ее. По моему, Она тутъ не при чемъ. Но я Смолянка и не могу думать иначе о Государынѣ». Мы подошли къ ея дому. Она вдругъ пристально поглядѣла мнѣ въ глаза и быстро прогово-

рила: — «Глядя на васъ, офицеровъ, у меня щемитъ сердце за васъ! Хорошо, что у насъ въ семьѣ нѣтъ военныхъ». Съ этими словами, крѣпко пожавъ мнѣ руку, она быстро вошла въ подъѣздъ.

До Царскосельскаго вокзала прошелъ пѣшкомъ. Всюду группы рабочихъ и среди нихъ много студентовъ. Въ мимолетныхъ фразахъ, долетавшихъ до меня, слышались имена Родзянко и почему-то Пуришкевича. Нѣкоторые ругали Протопопова и Хабалова за бездѣтельность. На углу, у Конради, отставной генералъ разговаривалъ съ дамой, которая ему говорила:—«И какъ это Государь довель до этого. Да еще во время такой ужасной войны». Генералъ въ отвѣтъ развелъ руками.

На Загородномъ посту городскихъ усилены Семеновцами. На лицахъ солдатъ безразличіе. Въ казармахъ у Семеновцевъ тихо. Видимо, всѣ въ нарядѣ по городу. У воротъ маячатъ дневальные съ винтовками «на ремень». Около вокзала и въ самомъ вокзалѣ оживленіе. Царскосѣлы спѣшатъ домой. До отхода поѣзда еще оставалось больше двадцати минутъ и я сѣлъ пить чай. Отъ татарина официанта узналъ, что у Семеновцевъ и Егерей все спокойно, но надежды на нихъ почти нѣтъ. Въ вагонѣ тоже нервное настроеніе въ ожиданіи крупныхъ событій. Говорятъ о Родзянко, Пуришкевичѣ, Милюковѣ и нескончаемое возмущеніе правительствомъ и лицами, близко стоящими къ Царю.

Теперь въ этомъ вагонѣ точно суммировалось все то, что говорилось и передавалось изъ устъ въ уста въ послѣдніе годы послѣ смерти Столыпина. То, что раньше сдержанно говорилось въ обществѣ, въ гостиныхъ, теперь открыто высказывалось въ вагонѣ, не стѣсняясь упоминать имена Государя и Государыни. Казалось, что во время Столыпина, послѣ пережитаго бунта 1905 года, русское общество стало на путь здраваго государственнаго мышленія. Но произошелъ роковой выстрѣлъ, умеръ Столыпинъ и общество, точно потерявшее руководителя, няньку, стало путаться въ либерализмъ, и всѣ, сначала понемногу, а потомъ, никѣмъ не сдерживаемые, быстро зашагали по этой дорогѣ. Этотъ микробъ либерализма заразилъ не только статскіе круги общества, но проникъ и въ военную среду Гвардіи. Неопредѣленная и безцвѣтная дѣтельность правительства, работа нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, газетъ, не исключая даже «Новаго Времени», слухи, исходящіе будто бы отъ лицъ весьма компетентныхъ, и, наконецъ, дѣтельность дворянства и земствъ — все подрывало довѣріе къ правительству и настраивало противъ Государя. И вотъ, среди этого ли-

берализма, принявшаго характеръ общаго психоза, еще ярче выступала фигура убитаго Распутина, о дѣятельности котораго говорили во всѣхъ углахъ Россіи, передавались сплетни, полныя ужаснаго цинизма, не стѣсняясь называли даже имена. Эти сплетни передавались какъ факты, и общество имъ вѣрило. Самое ужасное, что эти сплетни все глубже и глубже проникали въ народную массу и принимались тамъ, еще болѣе уснащенными грязью. Никто не подалъ своего голоса противъ этого, а наоборотъ — съ трибуны Государственной Думы было открыто брошено обвиненіе не только правительству, но и Царицѣ, и даже самому Царю. Общество стало открыто возставать противъ самодержавія и требовало отвѣтственнаго министерства. Эти же идеи проникли въ военную среду, даже въ ряды Гвардіи и Царствующаго Дома.

И вотъ теперь поднять занавѣсъ для начала Россійскаго дѣйства. Что же будетъ? Просто ли бунтъ, который усмирять черезъ нѣсколько дней, или нѣтъ? Чувствуется, что начала переворачиваться невѣдомой рукой новая страница исторіи Россіи. Что же началось въ самомъ дѣлѣ — бунтъ или революція? Невольно возникаютъ вопросы: Во время ли это? Справимся ли мы одновременно съ войной и реформами? Кто ихъ будетъ проводить, по силамъ ли это Родзянко и его соратникамъ?

Въ Царскомъ все тихо и спокойно. Въ районѣ полка тоже. Ничто будто не нарушаетъ патріархальнаго теченія нашей жизни. Кажется, что Петроградскія событія происходятъ не въ 25-ти верстахъ, а въ какомъ-то другомъ государствѣ.

Какъ некстати былъ вчерашній танцевальный вечеръ въ нашемъ офицерскомъ собраніи, устроенный въ пользу пострадавшихъ отъ войны стрѣлковъ. Гадали, соберутся ли приглашенные изъ Петрограда. Большинство ожидаемыхъ гостей пріѣхало, и вечеръ протекалъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Высказывались надежды, что принятыми распоряженіями генерала Хабалова разраставшимся смутамъ будетъ положенъ предѣлъ.

Во время вечера у меня былъ интересный разговоръ съ нашимъ баталіоннымъ адъютантомъ корнетомъ запаса Владиміромъ Владиміровичемъ Судзиловскимъ *). Онъ дворянинъ Петроградской губерніи, служилъ въ Петроградской уѣздной земской управѣ и попалъ къ намъ въ запасный баталіонъ по ходатайству предсѣдателя Петроградской Земской управы

*) В. В. Судзиловскій въ будущемъ оказался однимъ изъ главныхъ углубителей революціи въ баталіонѣ (ред.).

Яковлева. Мы зашли въ его кабинетъ, въ канцеляріи, освѣжиться и поку-
рить. Я высказалъ мнѣніе, что если въ Петроградѣ проявившееся движе-
ніе не будетъ погашено самыми энергичными и суровыми мѣрами, то мо-
жетъ быть очень плохо. На что Судзиловскій мнѣ сдержанно отвѣтилъ,
что врядъ ли власти смогутъ подавить возстаніе. — «Вы знаете сами, Ни-
колай Александровичъ, что здѣсь налицо не только движеніе рабочихъ, но
и интеллигенціи. Можетъ быть, все это дѣло рукъ только одной интелли-
генціи, а рабочіе и солдаты лишь пустое орудіе. Все идетъ отъ Государ-
ственной Думы и поддерживается земскими учрежденіями. Я думаю, что это
успокоится только тогда, когда будетъ дано отвѣтственное министерство». Изъ
разговора съ нимъ я понималъ, что онъ гораздо больше посвященъ въ на-
рождавшіяся событія, чѣмъ желалъ высказаться. На мое мнѣніе, что твер-
дая власть и энергичныя дѣйствія съ ея стороны приведутъ все въ порядокъ,
онъ подчеркнул, что этой власти уже нѣтъ, что событія вовсе не такъ не-
значительны, какъ это кажется нѣкоторымъ изъ насъ, и что относится къ
нимъ такъ легко, какъ это дѣлаютъ офицеры баталіона, очень рискованно.
Онъ указалъ, что стрѣлки съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за офицерами
баталіона, особенно кадровыми. Въ довершеніе онъ сообщилъ мнѣ, что по-
лучено распоряженіе о немедленномъ отправленіи изъ состава баталіона въ
Колпино роты военного состава при командирѣ баталіона полковникѣ И. Ф.
Алексѣевѣ. Командиромъ роты назначался капитанъ Мацѣевскій.

Въ залѣ веселье и танцы находились въ полномъ разгарѣ и даже
послѣ ухода роты въ Колпино продолжались до утра.

26-го февраля, полдень.

Сегодня въ командованіе баталіономъ вступилъ капитанъ П. Б.
Вальденъ. Въ Петроградѣ, по слухамъ, возстаніе въ полномъ разгарѣ и
начались пожары. Говорятъ, что горитъ окружной судъ на Литейномъ.

Въ Царскомъ спокойно; въ казармахъ полка тоже. Признакъ нехо-
рошій, такъ какъ слишкомъ тихо.

27-го февраля, вечеромъ.

День совѣщаній. Но запишу съ начала дня. День былъ теплый и
солнечный. Оттепель, пахнетъ весной. Въ Царскомъ спокойно. Магази-
ны открыты. Базаръ и Гостиный дворъ торгуютъ по обычному. Въ ча-
стяхъ гарнизона идутъ обычные занятія.

Былъ въ ротѣ. Часть стрѣлковъ была на занятіяхъ, а остальные на работахъ въ расположеніи баталіона. Люди выглядѣли спокойными и отвѣчали бодро. Дежурный доложилъ, что въ ротѣ все благополучно. Фельдфебель, подпрапорщикъ Диречинъ, доложилъ то же и добавилъ, что изъ отпуска пріѣхалъ стрѣлокъ. Осматривалъ его вещи, согласно приказа. Диречинъ ихъ разбиралъ и показывалъ мнѣ. Наткнулся на Маркса и Каутскаго. О Марксѣ я знаю только то, что его сочиненія надо отбирать и представлять по начальству; о Каутскомъ ровно ничего не знаю. Перелиставъ книгу, я спросилъ стрѣлка: — «Ну что же, ты все понялъ, что здѣсь написано?» — «Это не для насъ, ваше высокоблагородіе. Я неграмотный». — «Откуда они у тебя?» — «Цивильный въ вагонѣ далъ. Я не хотѣлъ брать и говорилъ ему, что неграмотный, а онъ говоритъ: возьми, въ казармѣ есть кому почитать. Ну, я и взялъ». Стрѣлокъ былъ дѣйствительно неграмотный и какъ солдатъ — исправный.

Въ это время въ ротную канцелярію пришелъ капитанъ А. В. Круглевскій. Вызвавъ меня изъ канцеляріи, онъ сообщилъ, что въ Петроградѣ очень скверно. За минувшую ночь почти всѣ части гарнизона примкнули къ Государственной Думѣ и что его Вальденъ назначилъ командовать ротой, вызванной отъ насъ спѣшно въ Петроградъ. Онъ пришелъ, чтобы сообщить мнѣ объ этомъ и самому выбрать надежныхъ стрѣлковъ для формирования роты изъ тѣхъ, которыхъ онъ зналъ въ лицо. — «Читалъ газеты?» спросилъ я. — «Нѣтъ. Ихъ нѣтъ сегодня. Почты тоже нѣтъ. Вальденъ только и получилъ одно приказаніе объ отправкѣ роты, а больше никакихъ распоряженій». — «Странно, отъ кого приказаніе?» — «Отъ нашего коменданта. Передалъ лично адъютантъ».

Круглевскій торопился съ наборомъ стрѣлковъ и вмѣстѣ съ Диречинымъ пошелъ въ помещеніе роты. Я лично не вмѣшивался въ выборъ стрѣлковъ, такъ какъ назначеніе роты было настолько важно и щекотливо, что командиръ роты долженъ былъ быть увѣренъ въ каждомъ стрѣлкѣ, какъ въ самомъ себѣ. Выборъ стрѣлковъ долженъ былъ дѣлать онъ самъ лично, я и Диречинъ давали ему нужныя справки.

Запала тревожная мысль, что власть въ Петроградѣ справиться съ безпорядками мѣстными войсками не можетъ, разъ берутъ изъ Царскаго, гдѣ находится Царская Семья, лучшихъ людей. Хотя здѣсь для охраны имѣются Конвой и Собственный Его Величества пѣхотный полкъ, но здѣсь также находится запасный тяжелый артиллерійскій дивизіонъ, сплошь распропагандированный. Къ обѣду стрѣлки стали собираться въ казармѣ.